

Билл Браудер

Послесловие: *Мой друг Володя Кара-Мурза, самый прожженный политзэк путинского режима*

(Перевод на русский язык Ивана Черкасова)

© Daria Kornilova

Новая глава бестселлера «В поисках правосудия: Арест активов»

(Бесплатно скачать или прослушать книгу полностью можно здесь: <https://www.billbrowder.com/freezing-order-free-russian-edition/>)

Потрясение и страх охватили всех, когда Россия вторглась в Украину в прошлом году, но для меня это событие было еще и глубоко личным. За последние два десятилетия я на себе испытал садистские наклонности Путина и знал, насколько ужасными будут последствия этой кровавой авантюры.

Я был одним из крупнейших иностранных инвесторов в России. В ноябре 2005 года меня «назначили» угрозой национальной безопасности и выслали из страны. Это было ответом властей предержащих за разоблачение коррупции в госкомпаниях, куда отчасти вкладывался наш инвестиционный фонд Hermitage. Позже, в 2007 году полиция провела рейды в нашем московском офисе и изъяла компьютеры, сервера и всю документацию по российским компаниям нашего фонда. Сергей Магнитский, наш юрист, взялся за защиту и

в процессе выяснил, что изъятые во время обысков документы были позже использованы силовиками и сотрудниками налоговых служб для сложной и многоходовой махинации — краже из бюджета ранее уплаченных нами налогов в размере 5,4 миллиарда рублей (230 миллионов долларов). Сергей не испугался дать показания против сотрудников МВД, участвовавших в афере с возвратом налогов. После чего был молниеносно арестован по сфабрикованному делу и отправлен в СИЗО. В СИЗО ему создали пыточные условия, в которых он продержался 358 дней. Когда стало понятно, что его не сломить — его забили до смерти восемь охранников. Ему было всего 37 лет.

Затем тот же Путин принялся обелять участников истязаний и убийства Сергея, а чуть позже выяснилось, что он был еще и одним из бенефициаров этой аферы. На протяжении многих лет я, как Кассандра, твердил, что Путин — преступник и хладнокровный убийца. К сожалению, немногие прислушивались. Но теперь, с началом полномасштабной войны в Украине, многие прозрели и частенько стали приглашать меня поговорить о России.

Двадцать восьмого марта 2022 года, спустя месяц с начала войны, меня попросили выступить на мероприятии по сбору средств для украинских беженцев, проходившем в Музее Лондона. В процессе подготовки мне пришла эсэмэска от моего друга Володи Карамурзы. С супругой Женей они приехали в Лондон и предложили встретиться за ужином.

Владимиру 41 год. Он ярый антипутинец, сыгравший важную роль в помощи нашей кампании по восстановлению справедливости в отношении Сергея Магнитского. Одной из наших значимых общих побед стал закон Магнитского, замораживающий зарубежные активы нарушителей прав человека в России и запрещающий им получение въездных виз. В 2012 году закон был принят в Соединенных Штатах, а затем в Канаде, Великобритании, Австралии и еще в 31 стране демократического мира. В течение десяти лет мы с Володей колесили по континентам, убеждая многочисленных парламентариев и конгрессменов в необходимости принять закон Магнитского. Поездки для Володи облегчало его двойное гражданство (России и Великобритании).

Закон Магнитского стал Путину поперек горла, и его отмену он сделал главным приоритетом во внешней политике. Путин для личного обогащения несметное число раз нарушал базовые права людей. Он и его приближенные сколотили огромные состояния,

храня их на Западе. Для них, и особенно для Путина, закон Магнитского — экзистенциальная угроза.

Путин так возненавидел Владимира, что приказал своим секретным службам избавиться от него. Первая попытка отравления была предпринята в 2015 году. Володя впал в кому, веерно стали отказывать жизненно важные органы, он перенес инсульт, но чудом выжил. В 2017 году Путин предпринял вторую попытку. Володя с трудом выбрался с того света. И вопреки всему он не остановился и продолжил борьбу.

Зная все это, я подумал — не попросить ли его присоединиться ко мне на мероприятии в Музее Лондона и дать оценку происходящего в Украине и путинской России? Времени для подготовки у него не оставалось, но я рискнул. И он без колебаний согласился.

Вместе с моей второй половинкой, Еленой, мы отправились в Центр искусств Барбикан, brutальное бетонное сооружение середины 1960-х годов, расположенное в Сити — деловом районе Лондона. Уже внутри, по запутанным лабиринтам лестниц и коридоров комплекса, мы наконец добрались до Музея Лондона, где нас ждали Володя с Женей. Открывая симпозиум, я произнес речь и в конце представил Владимира.

Заряженный колоссальной энергией, он поднялся на сцену и с гордостью заговорил о тысячах жителей России, несогласных с путинской войной. Он рассказал, как их арестовывают и выписывают сроки за ношение одежды сине-желтых цветов или за проведение уличных пикетов с белыми пустыми плакатами. В заключение он добавил: «Слова не могут передать ту боль, которую испытываешь, видя смерть, касетные бомбардировки школ, больниц и родильных домов, видя военные преступления, которые совершает путинский режим, — преступления против человечности».

Володя был в ударе — вместо пяти минут, выделенных ему организаторами мероприятия, он говорил более двадцати. Люди в зале были ошеломлены и заморожены его речью. Их тронула честность и смелость его выступления, но когда он сказал, что на той же неделе планирует вернуться в Москву, чтобы быть вместе с протестующими, в зале повисла гробовая тишина.

На несколько минут и я потерял дар речи. После мероприятия мы отправились в черном кебе из Музея Лондона на ужин в Шордич, в уютный итальянский ресторанчик

«Чеккони», и всю дорогу меня с новой силой жгли воспоминания об участии Сергея Магнитского. Когда-то мы умоляли Сергея уехать из страны, опасаясь его ареста. Он наотрез отказывался, полагая, что закон защитит его. Но случилось наоборот, и его больше с нами нет. Я не мог смириться с тем, что могу потерять еще одного друга. Нужно было найти способ уговорить Володю выбросить эту идею из головы.

Уже за столиком в ресторане, делая заказ, я все не знал, как мне начать отговаривать его от поездки. Нам уже принесли закуски: сыр буррата и цукини во фритюре.

Прервав неудобное молчание, я выпалил:

— Ты не можешь ехать в Москву. Они уже дважды пытались тебя убить и попытаются это сделать снова — в лучшем случае тебя арестуют. И если это произойдет, у нас практически нет шансов тебя вытащить. У Путина уже давно «сорван стоп-кран», и ему наплевать на чье-либо мнение.

Во взгляде Володи мелькнула усталость. Уверен, что у него уже были подобные разговоры со многими.

— Билл, я российский политик и должен убеждать моих соотечественников бороться с Путиным. Но как я смогу просить их об этом, если я боюсь вернуться в собственную страну и быть рядом с ними? Я обязан быть там.

Я попытался воззвать к чувству долга.

— Политики, люди и пресса должны постоянно видеть и слышать тебя, будь то сейчас или в будущем. Это невозможно делать из тюрьмы.

Владимир покачал головой.

— Билл, иногда символы важнее.

И он рассказал историю про семь советских диссидентов, которые вышли на Красную площадь в знак протеста против вторжения СССР в Чехословакию в 1968 году. Их арестовали, осудили и приговорили к долгим срокам, но они стали символами сопротивления советской репрессивной системе. Для Володи и его товарищей по российской оппозиции они были героями.

— Тебе не кажется, что это эгоистично? — Я был готов на резкость, только бы это помогло делу. — Если тебя арестуют, мне и многим твоим друзьям придется десятилетиями пытаться вытащить тебя из тюрьмы. Я не считаю это разумным поступком.

Супруга больно ущипнула меня за ногу под столом.

— И я уверен, что и Женя не хочет этого.

Я посмотрел на Женю в поисках поддержки. Именно она была ангелом-хранителем Володи все то время, пока он восстанавливался после отравления. Она заново учила его есть, говорить и ходить. И хотя они единое целое, я все же надеялся, что она согласится со мной.

Но Женя смотрела сквозь меня. Она знала, кого любила, знала всю его нестигаемую стойкость и поддерживала его решение.

Владимир в полном смысле слова интеллигентный, понимающий человек, и его не обидела моя резкость.

— Билл, — спокойно ответил он, — я не хочу, чтобы ты тратил свое время, вытаскивая меня из тюрьмы. Но я говорю о другом, о гораздо большем, чем ты и я.

И на этом была поставлена точка.

Принесли горячее. Я был в прострации, а Володя как ни в чем не бывало уплетал телятину по-милански. Я не мог отделаться от мысли, что все это смахивает на последнюю трапезу, своего рода тайную вечерю.

И все же я постарался приободриться и рассказал, что через пару недель в Америке выходит моя вторая книга «В поисках правосудия: Арест активов», в которой Володя и Женя были среди главных героев.

— Для меня очень важно, чтобы вы пришли на презентацию книги в Вашингтоне и сказали пару слов.

— Для меня это честь, Билл, — ответил Владимир.

При расставании в тот вечер во мне затеплилась слабая надежда, что, может быть, мои мысли в отношении того, что может случиться с Володей, слишком уж мрачны и возможно, российская власть не заметит его и оставит в покое из-за множества других проблем и событий, происходящих в стране.

На следующее утро Володя поблагодарил нас с Еленой за встречу и ужин эсэмэской, добавив в конце: «С надеждой на скорую встречу — не через 10 лет! 😊»

В тот день на поезде «Евростар» они уезжали в Париж, где Володе предстояло выступить на Парламентской ассамблее Совета Европы с докладом о политических заключенных в России. В столице они остановились в маленькой квартирке в 16-м округе.

Утром 5 апреля Володя встал рано, тихо собрался, стараясь не разбудить супругу, поцеловал ее на прощание и уехал. Через пару часов Женя проснулась в пустой квартире, не торопясь, упаковала небольшую сумку и поехала в аэропорт. Она возвращалась в Вашингтон к их троим детишкам.

© Семейных фотоархив (Владимир Кара-Мурза)

Как только самолет Володи коснулся посадочной полосы Внукова, я мысленно начал считать дни, подгоняя их и ожидая 13 апреля — дня, когда он должен был вылететь в Вашингтон к Жене.

К моему удивлению, Володя беспрепятственно занимался делами, встречаясь с политическими активистами, журналистами и друзьями. Как и всегда по прибытии в Москву, он отправился на Большой Москворецкий мост, неся цветы к месту убийства Бориса Немцова — человека необыкновенной харизмы, лидера российской оппозиции, друга и наставника Владимира — путинскими киллерами в 2015 году.

Десятого апреля я вылетел в Нью-Йорк на презентацию своей книги «В поисках правосудия: Арест активов», рассказывающей, как отмывались деньги от преступления, раскрытого Сергеем Магнитским. Книга выходила в самый разгар трагических событий. Война уже шла семь недель, и вся американская пресса хотела услышать мое мнение о происходящем и о России. Я участвовал в передачах и ток-шоу на «Си-Эн-Эн», «Фокс», «Эй-Би-Си», «Эм-Эс-Эн-Би-Си» и во многих других новостных агентствах — всех, кто хотел меня выслушать. Я не сглаживал углы и называл вещи своими именами, в том числе Путина — военным преступником. Конечно, я был в Соединенных Штатах, а не в России, как Володя, и в этом была огромная разница между нами. Володя на другом конце света делал то же самое, давая интервью тем же агентствам по видеосвязи из своей квартиры в Москве.

В тот же день, 10 апреля, он давал интервью Али Велши, ведущему «Эм-Эс-Эн-Би-Си Ньюс», по поводу нового закона, фактически вводящего уголовную ответственность за использование слова «война» для описания полномасштабного вторжения России в Украину, названного Путиным «специальной военной операцией». Всем «нарушителям» закона грозило до 15 лет лишения свободы. Конечно, объясняя этот эвфемизм, Володя во время интервью неоднократно называл вторжение войной. И когда Али Велши спросил его, не боится ли он за свою безопасность, он повторил сказанное нам за ужином в Лондоне в тот вечер:

— Мы все знаем цену, мы все знаем последствия, — сказал Владимир, — но в России есть миллионы людей, которые категорически не согласны с режимом Путина и всем, что этот режим вытворяет.

Смотря это интервью, я очень надеялся, что фээсбэшникам, поглощенным войной в Украине, будет не до него. Еще три дня, и Володя уедет из России.

На следующий день он дал интервью «Си-Эн-Эн», еще более жесткое:

— Этот режим не просто коррумпированный, не просто клептократический и авторитарный. Это режим убийц, — говорил он.

Обеспокоенный корреспондент «Си-Эн-Эн» спросил:

— Не бойтесь, что режим снова примется за вас — и на этот раз добьет?

— Я разговариваю с вами из Москвы. Я российский политик, это моя родина. Самый большой подарок, который мы можем сделать Кремлю, — это сдаться и сбежать, — ни капельки не смутившись, ответил Владимир.

После этого интервью Володя съездил по делам и позже отправился навестить своего 89-летнего друга, художника-авангардиста Бориса Жутовского в его студию на Тверской-Ямской.

Уже под вечер, в хорошем расположении духа от встречи, Володя вышел из студии и поехал домой. Но там его уже ждали. Как только он вышел из машины, пять сотрудников 2-го СПП МВД в черных военизированных комбинезонах скрутили его, затолкали в микроавтобус, отобрали телефон и отвезли в Хамовническое ОВД. В полицейском протоколе предлогом задержания было указано буквально следующее: *«подозрительный гражданин изменил траекторию движения и ускорил шаг, и был задержан за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции»*.

Узнав об этом, я набрал Женю. Она попыталась храбриться, но мы оба понимали, насколько все серьезно. Она сообщила, что пока это административное правонарушение. До войны власть регулярно арестовывала протестующих и представителей оппозиции на 15 суток, а потом отпускала. Оставалось только надеяться, что так они поступят с Володией в этот раз.

Но с этого момента часы стали отсчитывать новое время.

Четырнадцатого апреля я перебрался из Нью-Йорка в Вашингтон, где презентация моей книги переросла в мероприятие, посвященное Владимиру. Место Володи на трибуне заняла Женя. Она не только поделилась собственным глубоким видением происходящего, но и зачитала письмо от Володи, которое тайком вынес и переправил ей их старинный друг, адвокат Вадим Прохоров. Ее речь настолько тронула аудиторию, что стало очевидно — Женя обладает той же харизмой убедительного оратора и моральными принципами, что и ее муж.

Спустя десять дней после ареста Володи режим пошел дальше: ему предъявили новое обвинение — *«распространение ложной информации о действиях вооруженных сил России и дискредитации армии»*, то есть то, что он назвал войну войной. «Доказательством» послужила речь Володи в законодательном собрании штата Аризона в середине марта 2022 года, размещенная на ютьюб-канале. Прокурор требовал десять лет заключения.

В июле Кремль до кучи обвинил Володю в сотрудничестве с «нежелательной» иностранной организацией — фондом «Свободная Россия». Это каралось еще шестью годами.

Потрясенные произволом, мы стали искать способы давления на российское правительство. Первое, что приходило на ум, — закон Магнитского. Кара-Мурза был одним из тех, кто продвигал его по миру, и было бы иронично использовать этот закон для наказания чиновников, которые глумились над Владимиром. С Женей во главе мы начали кампанию по его спасению.

Но карательный механизм режима был запущен на полную катушку, и в октябре Владимира обвинили в государственной измене, предъявив в виде «доказательств» три его публичных выступления, в которых он осуждал отсутствие политических свобод в России: одно — на церемонии вручения Юрию Дмитриеву премии имени Андрея Сахарова Норвежского Хельсинкского комитета в Осло в октябре 2021 года, другое — на Парламентской ассамблее НАТО в Лиссабоне, и третье — в Хельсинкской комиссии США, всего за две недели до его ареста. Прокурор теперь требовал уже 25 лет лишения свободы.

О такой степени политических преследований не слыхивали со времен Сталина.

В ноябре 2022-го мы с Женей отправились в Оттаву, чтобы выступить в Канадском парламенте. Ирвин Котлер — в прошлом член канадского парламента, бывший в свое время адвокатом Нельсона Манделы — познакомил нас с политическим истеблишментом страны, представив министру иностранных дел и главам всех основных политических фракций парламента.

Женя рассказала в перерыве, что Володю перевели в СИЗО, который возглавлял Дмитрий Комнов. Этот же Комнов ранее был начальником СИЗО «Бутырка», где Сергею Магнитскому создавали пыточные условия и отказывали в медицинской помощи.

Комнов уже был под санкциями по делу Сергея Магнитского, поэтому не мог быть внесен в список вновь. Но это не остановило канадцев, и по результатам этой поездки министр иностранных дел Мелани Джели объявила, что Канада введет санкции Магнитского в отношении лиц, причастных к преследованию Владимира Кара-Мурзы. И действительно, через неделю девять российских чиновников влетели в такие санкционные списки. Среди них были судьи, санкционировавшие арест Володи, и следователь, обвинивший его в госизмене.

Третьего марта 2023 года правительство США ввело санкции Магнитского в отношении шести российских чиновников, причастных к сфабрикованному делу, аресту и преследованию Владимира.

Тринадцатого марта мы с Женей уже в Страсбурге (Франция) выступали в защиту Володи в Европейском парламенте. Наш старинный друг и союзник, литовский евродепутат Пятрас Ауштрявичюс организовал нам большую встречу с парламентариями. Мы встретились с ними в уютной таверне старого города рядом с собором. Входя в ресторан, Женя выглядела бледной и расстроенной.

— Что случилось? — спросил я, отводя ее в сторонку.

— Володя пробыл в карцере четыре дня.

— Как? За что?

— Они пытаются сломить его.

Она рассказала, что такое карцер в российских СИЗО — это одиночная камера три на полтора метра, в которой не разрешается пользоваться шконкой с 6 утра до 10 вечера, так как она поднята и прикреплена к стене (как верхняя полка в плацкартном вагоне). Можно присесть только на маленький табурет. Камера кишела тараканами.

— Пальцы на ногах потеряли чувствительность, — добавила она.

Нервные окончания у Володи были серьезно повреждены двумя отравлениями. Мы до сих пор не знаем, чем он был отравлен, но предполагаем, что «Новичком» — запрещенным химическим веществом нервно-паралитического действия. Для восстановления чувствительности стоп в процессе реабилитации Владимиру помогли часовые ежедневные прогулки босиком по колотым ракушкам вдоль Атлантического побережья во Флориде. С ощущением боли вернулась и чувствительность.

К сожалению, из Страсбурга мы вернулись ни с чем. Несмотря на то, что Европарламент подавляющим большинством (508 голосов) принял резолюцию, призывающую Евросоюз ввести санкции против причастных к издевательствам над Володей, решение не было единогласным (14 были против), и ЕС ничего не стала делать.

За неделю до этих событий, 6 марта, в Москве прошли предварительные судебные слушания, на которых присутствовал Володя. Прессе ненадолго разрешили войти в зал, и фотографии, которые мы получили после, шокировали. Володя выглядел ужасно изможденным, вымотанным и болезненным, но это не смутило судью, и процесс

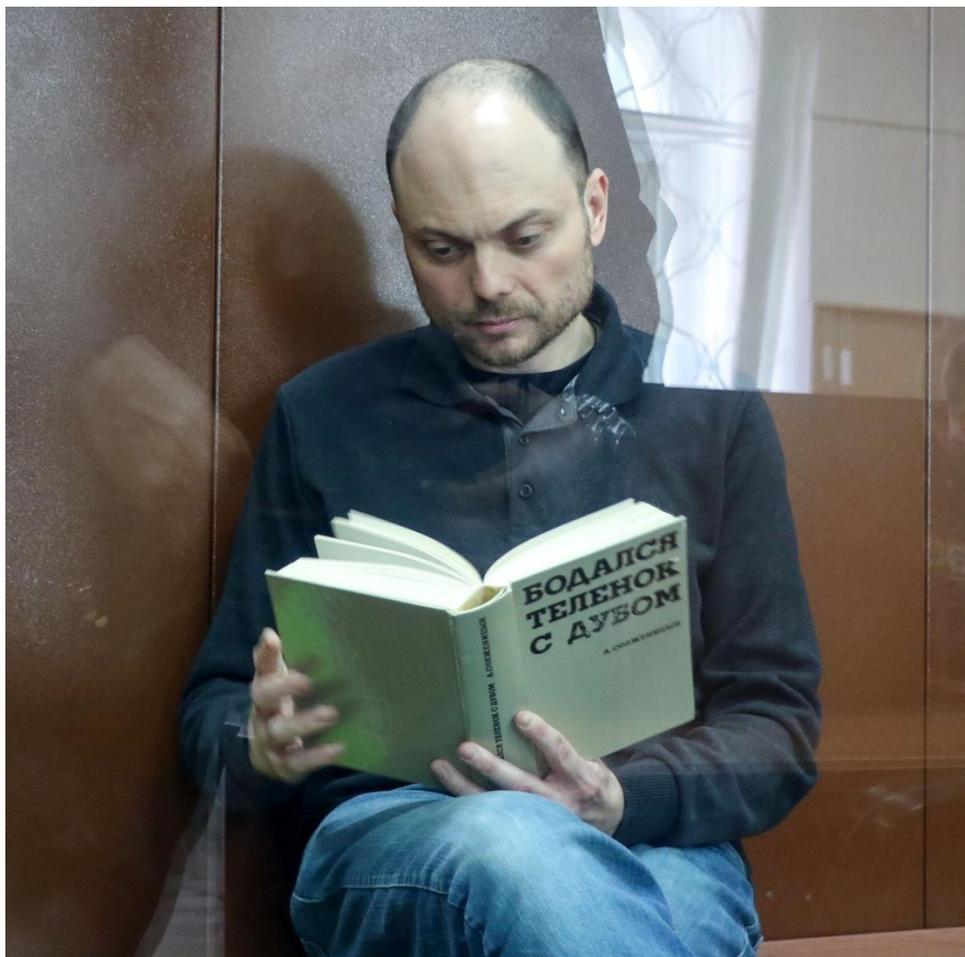
продолжился. После слушаний адвокат заявил, что Владимир потерял более 20 килограммов с момента ареста, — столько же потерял Сергей Магнитский за время своего заключения.

© *Daria Kornilova*

Судья Подопригоров продлил Владимиру срок содержания под стражей еще на шесть месяцев. Этот же «судья» продлевал ранее арест Сергея и был внесен в санкционные списки Магнитского. Подопригоров прервал изложение доводов защиты об ухудшении здоровья Володи и объявил, что это и все последующие судебные заседания будут проходить в закрытом режиме. Это была уловка, чтобы лишить Володю на процессе поддержки родственников и друзей, которых он уже не видел почти год. (Ему запрещали общаться с родными, находясь в СИЗО.) Это также отрезало его от общественной поддержки со стороны журналистов и западных дипломатов, которые планировали присутствовать на слушаниях.

Судебные слушания по существу начались 13 марта. Володя сидел в «аквариуме», спокойно читая книгу Александра Солженицына «Бодался теленок с дубом» (при советской власти книга относилась к запрещенной литературе). Это был символ протеста режиму.

© Daria Kornilova

Страшное дежавю — как в сталинские времена, возглавляемая попавшим под санкции Подопригоровым судебная «тройка» гнала процесс быстро. Не было ни прессы, ни правозащитников, ни сотрудников посольств.

Все было срежиссировано до мелочей.

Семнадцатого апреля 2023 года Владимир был признан виновным в государственной измене и приговорен к 25 годам колонии строгого режима. Самый суровый приговор политическому заключенному в России! Этот срок превышает максимальное наказание за

изнасилование, повлекшее смерть потерпевшей (20 лет), террористический акт (20 лет), бандитизм (20 лет), похищение человека (15 лет).

В последнем слове многие подсудимые раскаиваются в содеянном, чтобы смягчить срок наказания, но только не Володя. Он не совершал никаких преступлений, он не раскаивался ни в чем, он гордился всеми своими публичными заявлениями, за которые его преследовали. Он подписался под каждым словом из тех, что вменяли ему в вину, из тех, что осуждали войну и режим Путина.

Находясь под угрозой огромного срока лишения свободы, в своем последнем слове он произнес: *«Настанет день, когда мрак над нашей страной рассеется. Когда черное назовут черным, а белое — белым; когда на официальном уровне будет признано, что дважды два — это все-таки четыре; когда войну назовут войной, а узурпатора — узурпатором; и когда преступниками признают тех, кто разжигал и развязывал эту войну, а не тех, кто пытался ее остановить. Даже сегодня, даже в окружающей нас темноте, даже сидя в этой клетке, я люблю свою страну и верю в наших людей. Я верю, что мы сможем пройти этот путь».*

В последнюю нашу встречу за ужином в Лондоне я сказал Володе, что не хотел бы провести последующие десять лет в борьбе за вызволение его из тюрьмы. Но с 12 апреля 2022 года именно этим я и занимаюсь — и буду продолжать заниматься. Владимир должен быть на свободе не только потому, что он наш друг и коллега, но и потому, что он жизненно необходим Западу. Запад осуществляет огромную работу по поддержке украинцев, но мы также должны помочь россиянам, которые смело противостоят Путину. Если Россия когда-нибудь и станет свободной, то ее возглавят такие, как Владимир Кара-Мурза.

В день вынесения приговора Володе я давал интервью телекомпании «Би-Би-Си», и в конце интервью корреспондент спросил: если бы я смог обратиться к Володе, что бы я сказал?

— Держись. Мы идем за тобой, — ответил я.